

LIDIA RYBAKOWA
WSP w Bydgoszczy

ТЕКСТОВАЯ АППОЗИТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЁ ПЕРЕВОД НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Круг проблем, связанных с анализом аппозитивности, традиционно решался в русской и польской лингвистике на уровне предложения - на примере сочетаемости определяемого и приложения (*appositio, arozycja*)¹. Текстовый, супрасинтаксический подход наметился в работах И.П.Распопова и Н.Я.Сердобинцева, где была показана трансформируемость обособленного приложения в особую модель предложения². В этом предложении субъектом выступает местоименный коррелят "это/то", а предикатом - имя существительное в форме именительного или творительного падежа. Идентичность синтаксической функции приложений и подобного рода предложений подтверждают и некоторые переводы на польский язык³. Так, в одних текстах приложение переводится моделью предложения, а в других соответственно наоборот. Далее в примерах выделены главные и зависимые члены соотносительных пар.

Скоро пришли к нам шесть хорошо вооруженных китайцев - красивые маньчжуры с винтовками и большими ножами. (Пришвин)

По моему мнению, то был честнейший и благороднейший человек в свете, но с маленькою слабостью: сделать подлость по первому приказанию, добродушно и бескорыстно, лишь бы угождать ближнему. Одним словом, это был, что называется, человек-тряпка вполне. (Достоевский)

Wkrótce przyszło do nas sześciu dobrze uzbrojonych Chińczyków, byli to dorodni, garbatonosi Mandżurowie z fuzjami i nożami.

Moim zdaniem, był to najciekawszy i najszlachetniejszy w świecie człowiek, z drobną wszakże słabością: gotów popełnić podłość na pierwsze wezwanie, dobrodusznie i bezinteresownie, byle tylko dogodzić bliźniemu, - słowem: wręcz człowiek-szmata.

Однако не только узкий круг трансформаций, но и реально существующие факты русского и польского языков свидетельствуют о текстовой аппозитивности. Иллюстрация этого и является основной целью этой статьи. Конкретно поставлены две задачи: 1) описать основные признаки аппозиции текстового уровня и 2) проследить некоторые особенности перевода ее на польский язык. Мы специально не рассматриваем проблему с позиции теории перевода. Тем не менее придерживаемся следующих исходных положений. Общеизвестно, что перевод как вопрос языкознания является вопросом реализации взаимоотношения двух языковых и стилистических систем. Знание этих закономерностей переводчиком позволяет, с одной стороны, сознательно определить адекватный выбор средств, передающих особенности подлинника. С другой - избегать буквализма, ведущего к насилию над языком⁴. По мнению Зенона Клеменевича, задача перевода состоит не в воспроизведении, а тем более преобразовании элементов и структуры оригинала, но в том, чтобы понять их функцию и ввести такие элементы в структуру собственного языка, которые были бы, по мере возможности, субститутами и эквивалентами этой же самой функциональной пригодности и эффективности⁵. Основываясь на этой посылке, можно предположить, что осознание грамматической и функциональной специфики аппозитивных структур также немаловажно для перевода художественного текста.

I. В наших работах объект квалифицируется как супрааппозиция (*supraappositio*)⁶. Его логико-грамматическая, структурная и морфологическая сущность выявляет себя только в дискурсе, в связном тексте. Предлагаемая интерпретация основана на референционной концепции, выдвинутой в 70-е годы К.П. Орловым⁷. С позиции теории номинации *appositio* - это отношения, возникающие между знаками языка на базисе параллельного наименования. Здесь первое наименование референта имеет форму слова (или словосочетания), второе - форму предложения. Это в русле тех синтаксистов, которые считают, что "номинативная единица может состоять из слова или нескольких слов, быть частью предложения и даже целым предложением"⁸.

Специфическими структурными признаками супрааппозиции являются: 1) двучленность модели (определяемое плюс предложение аппозитив), 2) препозитивное положение первого члена и постпозитивное - второго.

Морфологически главный член - это всегда имя существительное или местоимение. Что же касается морфологии субъекта зависимого члена, то нами отмечено три основных способа его выражения: указательное местоимение, существительное - повтор определяемого и местоименно-именное сочетание. И, наконец, с позиций дискурса важна полифункциональность названного структурного элемента: это не только подлежащее в предложении-аппозитиве, но и средство мажорной связи с левосторонней направленностью⁹.

Супрааппозиция, как грамматическое явление, и в русском и в польском языках богаче аппозитивности уровня предложения. Например, здесь возможно объединение фрагментов с разнотипной модальной характеристикой в вопросно-ответных репликах типа

- Вот видишь это большое строение? Это новая больница. (Л.Толстой) -Czy widzisz ten nowy budynek? To nowy szpital.

Такова - вкратце - лингвистическая сущность текстовой аппозиции.

II. Сопоставительный анализ функционирования структур, связанных этим типом отношений, в русских художественных текстах и их переводах на польский язык дает возможность наметить некоторые обобщения относительно ряда переводческих решений. Вполне очевидно, что в одних ситуациях отход от аппозиции при переводе может быть оправдан, поскольку дословное синтаксическое калькирование модели - на фоне других элементов текста - нежелательно с позиций польской стилистической традиции. Это относится в первую очередь к текстовой аппозитивности с повторами. В то же время далеко не всегда правомерно вольное обращение с этими конструкциями, поскольку они отражают в оригинале своеобразие такой функциональной разновидности текста, как номинативное описание¹⁰. Тем более, что польская языковая система позволяет передать эту специфику. Рассмотрим некоторые примеры.

Так, при переводе достаточно широко передается разнообразие морфологии субъекта аппозитивного предложения и тем самым дифференцируются связочные элементы описательных фрагментов текста.

Что-то было в этой встрече не поддававшееся ни описанию, ни рассказу. Это что-то было любовью.

(Паустовский)

Хлопов взял его к себе на квартиру. Капитан Хлопов был человек веселый, толстый и холостой.

(А. Толстой)

При господском доме был приставлен старик лакей. Этот лакей был фельдшер и портной.

(Герцен)

W tym spotkaniu było coś nie dającego się ująć w żadne słowa. To coś było miłością.

Chłopow wziął go do swej kwatery. Kapitan Chłopow był mężczyzną wesołym, zażymym i ponadto kawalerem.

We dworze był stary lokaj. Lokaj ten był felczerem i krawcem.

Синтаксически адекватными и стилистически оправданными выступают переводы моделей с усиленной референцией: определенное - мимический повтор - лексичес-

кий повтор определяемого. Первое это главный член текстовой аппозиции, второе и третье соответственно субъект и предикат зависимого предложения.

Действительно, там и сам раздавалось
развязное гуденье. То было гуденье ли-
бералов, недавних друзей его.

(Салтыков-Щедрин)

Istotnie, tu i ówdzie rozlegało się
zuchwałe brzęczenie. Było to brzęczenie
liberałów, niedawnych jego przyjaciół,

Совершенно адекватно можно отразить в переводе и особенности грамматического оформления такого специфически текстового построения, как отрицательно-утвердительное предложение с ирреальной модальностью.

... человеческое общество уподобилось
бы кладбищу. Это было бы не общество,
а склад трупов.

(Салтыков-Щедрин)

... społeczność ludzka byłaby podobna
do cmentarza. Byłaby to nie społecz-
ność, lecz trupiarnia.

Языковая практика польских переводчиков дает немало примеров максимального приближения к оригиналу при переводе двух и более аппозитивов при одном словесно-определяемом. Так, бережное отношение к оригинальной мысли писателя и его слогу чувствуется в переводе разных структурных схем аппозитивного ряда:

а) однородный ряд аппозитивных предложений, связанных противительными отношениями.

Из-за полугощенных ресниц они сияли
каким-то фосфорическим блеском, если
можно так выразиться. То не было от-
ражение жара душевного или играющего
воображения: то был блеск, подобный
блеску стали, ослепительный, но хо-
лодный.

(Лермонтов)

Spoza na wróć opuszczonych rzęs oczy
jaśniały - jeśli można tak powiedzieć
- jakimś fosforycznym blaskiem. To
nie było odbicie wewnętrzznego żaru lub
gry wyobraźni: to był blask podobny do
blasku gładkiej stali, olśniewający,
ale zimny.

б) однородный ряд с разноуровневыми аппозитивами, то есть включение уточняющего приложения с повтором предиката

... он держал на руках своих женщину,
окутанную чадрой. Это была Бала...
бедная Бала!

(Лермонтов)

..., że trzymał na rękach kobietę owi-
niętą w chadzę. To była Beła... biedna
Beła!

При переводе тонко дифференцируется препозиция и постпозиция приложения, включенного в аппозитивное предложение. Ср., например:

... один голос я тотчас узнал: это был повеса Азамат, сын нашего хозяина.

(Лермонтов)

... слышит прапорщик знакомый голос. Это Дризнер, подрядчик, поставляющий для батальона мясо и дрова.

(Куприн)

... jeden głos poznałem od razu: to był obwieś Azamat, syn naszego gospodarza.

... słyszy podchorąży znajomy głos. To Drizner, dostawca mięsa i drzewa dla batalionu.

Таким образом, даже краткий перечень случаев адекватного перевода подтверждает, что вполне реально отразить в переводе на польский язык богатство и разнообразие аппозиции в художественном оригинальном русском тексте. Приведенные примеры еще раз подтверждают, что тождество смысла при переводе касается также логико-синтаксического построения предложений и их комплексов; построение это следует сохранить везде, где оно приспособлено к структуре действительности, познание которой должен дать данный труд¹¹.

Вместе с тем неточный перевод обедняет представление о текстовой аппозитивности. В отдельных случаях произвольный перевод может вообще разрушить номинативность описательного текста. Среди наиболее часто встречающихся неточностей выступают построения, где аппозитивные отношения в принципе отражены, но изменена синтаксическая или морфологическая оформленность членов. Назовем некоторые случаи.

1. Предложение трансформируется переводчиком в словосочетание. Характер грамматических отношений сохраняется, поскольку употребляется аппозитивная пара. Однако разрушена синтаксическая специфика фрагмента текста: вместо аппозиции текстового уровня (супрааппозиции) используется пара другого синтаксического уровня - уровня предложения.

... дом этот был целый мир для Левина. Это был мир, в котором жили и умерли его отец и мать.

(Л.Толстой)

... dom ten był dla niego całym światem, tym światem, w którym żyli i umarli jego rodzice.

2. По семантике предложение соответствует оригиналу. Однако изменена морфология связки. Например, лексический повтор замещается повтором местоименным или контекстуальным.

... доложили про графиню Лидию Ивановну. Графиня Лидия Ивановна была высокая полная женщина с нездоровым

... zapowiedziano hrabinę Lidię. Była to wysoka, tęża kobieta, o niezdrowej żółtej cerze i pięknych, zamysłonych,

цретоm лица и прекрасными задумчивыми черными глазами.

(Л.Толстой)

Левин сидел подле хозяйки у чайного стола... Хозяйка была круглолицая, белокурая и невысокая женщина, вся сияющая ямочками и улыбками.

(Л.Толстой)

czarnych oczach.

Lewin siedział przy stole obok pani domu... Pani Swiażska była to niewielkiego wzrostu blondynka z okrągłą twarzą, cała w dołeczkach i uśmieszkach.

3. Референция в принципе сохраняется, но разрушена оригинальная авторская мысль из-за соотносительности компонентов с разными денотатами. Ср.: "оказия" - - прикрытие и отряд (oddział).

А вы, может быть, не знаете, что такое "оказия"? Это прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки.

(Лермонтов)

A może nie wiecie, co to jest "okazja"? To oddział złożony z półkompanii piechoty i dział.

4. При исключении лексического повтора в переводе нередко сужается логико-понятийное поле, в которое входит предмет описания. Референция сохраняется, но предмет речи-мысли в аппозитивном предложении соотносится с определяемым словом как частное с общим, родовое и видовое.

Он слушал и читал книгу и вспоминал весь ход своих мыслей, возбужденных чтением. Это была книга Тиндалля о теплоте.

(Л.Толстой)

Słuchał, czytał i przypominał sobie całkowity przebieg myśli powstałych pod wpływem tej książki. Była to dyseratacja Tyndalla o ciepłe.

5. При переводе ряда слов с двумя оригинальными предложениями-аппозитивами нередко изменению подвергается второй его член. Он обычно трансформируется в приложение. В итоге совершенно одинаково переводятся разные структурные схемы сочетаемости аппозитивов, бывшие в оригинале.

Только одно было на свете существо, способное сосредоточивать для него весь свет и смысл жизни. Это была она. Это была Китти.

(Л.Толстой)

... była tylko jedna na świecie istota zdolna zogniskować dla niego całą jasność i cały sens istnienia. To była ona, Kitty.

У калитки Тихонов столкнулся с женщиной. Это была она, петергофская незнакомка. (Паустовский)

Przy furtce Tichonow zetknął się z jakąś kobietą. To była ona - nieznajoma z Peterhofu.

Отметим и другую группу переводов. В изученных нами текстах были и такие случаи, когда аппозитивные отношения вообще не фиксировались и аппозиция оригинала произвольно замещалась неаппозитивным построением. Например, аппозитив нередко переводится как предложение с глагольным предикатом. Если при этом в оригинале была типичная модель номинативного описания с приложением и аппозитивным предложением, то при подобном переводе она полностью утрачивается.

Но Анна вернулась не одна, а привезла с собой свою тетку, старую деву, княжну Облонскую. Это была та самая, которая приезжала утром.

(Л.Толстой)

Anna wszakże wróciła nie sama: przywiozła ze sobą ciotkę, starą pannę, księżniczkę Obłońską. Ona to właśnie zjawiła się tego dnia przed południem.

В других вариантах аппозитив, чаще всего приложение, переводится как атрибутив, то есть определительная конструкция; причастный оборот, придаточное определительное и т.п.

Они обихивали печку, участницу стольких приключений.

(Пришвин)

Obwąchiwały z zaciekawieniem piec, który tak poważną rolę odegrał w tylu ich przygodach.

Причины отступлений здесь вполне объективны. Как известно, обособленное приложение занимает промежуточное положение между определением и предикатом. В русской лингвистике квалификация обособленной аппозиции как атрибутивно-предикативного явления имеет давнюю традицию. В конкретных текстах может доминировать то один, то другой её оттенок. Очевидно, это и отражено в приведенных выше примерах. Подтверждением может служить и произвольная трансформация атрибутивных отношений в аппозитивные, как это имеет место, например, в следующем примере. Здесь причастный оборот, бывший в подлиннике, заменяется обособленным приложением в переводном тексте.

Приподнявшись на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе, вынимала из печи только что испеченные хлебы.

(Гоголь)

Unosiłaży się nieco na łożku, spostrzoci, że małżonka jego, dama dość szliska, wielka amatorka kawy, wyjmowała z pieca świeżo upieczone chlebki.

Итак, на основании изложенного можно заключить, что аппозитивные конструкции являются особым грамматическим и художественным примером, характерным для текстов именного речеведения. Их природа и функциональное назначение в русском

языке требуют такого же отбора и организации средств языка, на который переводится подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 А.А.Шахматов, Синтаксис русского языка, Москва-Ленинград 1941; А.М.Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7-е, Москва 1956; М.К.Ханин, Семантико-синтаксические свойства обособленных приложений в современном русском языке, Канд. дисс., 1956; И.П.Распопов, Очерки по теории русского синтаксиса, Воронеж 1973; Русский язык. Энциклопедия, Москва 1979; Z.Klimesiewicz, Podstawowe wiadomości z gramatyki języka polskiego, Warszawa, PWN, 1960; P.Bak, Gramatyka języka polskiego, Warszawa, WP, 1979
- 2 Н.Я.Сердобинцев, К вопросу о приложении в современном русском языке, В: Очерки по русскому языку и стилистике, Саратов 1967; И.П.Распопов, Строение простого предложения в современном русском языке, Москва 1970
- 3 Для сопоставления привлечены следующие издания на польском языке: Antologia dawnej poweli koszyjskiej, Warszawa 1978; Nowela koszyjska XIX wieku, t. I, Warszawa 1954; Lew Tołstoj, Anna Karenina, Warszawa 1965; Michał Priszwin, Korzeń życia, Warszawa 1953; Konstanty Paustowski, Opowieść różnospna, Warszawa 1985.
- 4 А.В.Федоров, Введение в теорию перевода (Лингвистические проблемы), Москва 1958, стр. 18
- 5 З.Клименевич, Перевод как вопрос языкознания, В: O sztuce tłumaczenia. Praca zbiorowa pod red. M.Rusinka, Wrocław 1955, стр. 514
- 6 Л.А.Рыбакова, Апозитивность в аспекте грамматики и семантики текста, Канд. дисс., Москва 1979
- 7 К.П.Орлов, О новой концепции апозитивных отношений, В: Доклады 25 итоговой научной конференции, Астрахань 1969
- 8 Б.Палек, Кросс-референция: к вопросу о гиперсинтаксисе, В: Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII, стр. 245; Об описательном значении понятия, фразовой номинации см. также: Н.Д.Арутюнова, Предложение и его смысл, Москва 1976; Она же, Номинация и текст, В: Языковая номинация (Виды наименований),

- Москва 1977, стр. 304-357; Ю.С.Степанов; Имена. Предикаты. Предложения, Москва 1981; А.А.Уфимцева, Лингвистическая сущность и аспекты номинации, В: Языковая номинация. Общие вопросы, Москва 1977, стр. 7-98; В.Г.Гак: К эволюции способов речевой номинации, "Вопросы языкознания", 1985, № 4, стр. 28-42
- 9 О разграничении левосторонней и правосторонней коммуникативной функции см.: Н. Isenberg, Texttheorie und Gegenstand der Grammatik, "Linguistische Studien", 11, Reihe A, Arbeitsberichte, Berlin 1974
- 10 М.П.Брандес, Стилистический анализ (на материале немецкого языка), Москва 1971; Н.А.Кожевникова, О соотношении типов повествования в художественных текстах, "Вопросы языкознания", 1985, № 4
- 11 Р.Ингарден. (Старший), О переводе, В: O sztuce tłumaczenia... 1955, стр. 519

АПОЗИЦЯ ТЕКСТОВА В ЯЗЫКУ РОСЫJSКИМ I JEJ ТЛУМАЧЕНІЕ НА ЯЗЫК ПОЛСКИ

Streszczenie

W artykule podjęto próbę wyjaśnienia morfologicznej i strukturalno-syntaktycznej istoty modeli apozytywnych, w których funkcję appositive pełni nie wyraz lub grupa wyrazowa, lecz formalnie samodzielne zdanie typu *Это был известный писатель*. Obserwacji poddano zarówno przypadki adekwatnego tłumaczenia tego typu zdań na język polski, jak i takie, w których zauważa się odstępstwa od oryginalnego tekstu rosyjskiego. Analizy dokonano w oparciu o materiał klasycznej literatury rosyjskiej i jej polskich przekładów.